

Глава 7. Арка добродетельной дочери

Лю Тяньцзяо не видел смысла в пустых спорах.

— Мой отец так хочет, и что с того? Если завидно — иди к своему, пожалуйста, — лениво бросил он.

Лю Цзинь'эр сердито сверкнула глазами.

— Я не чета тебе, у меня совесть есть. Не то что некоторые — только и знают, что о собственном удовольствии печься.

Тяньцзяо лишь презрительно фыркнул.

— Совесть, говоришь? Тебя продадут, а ты и монеты родителям пересчитать сможешь — вот уж истинная преданность. Может, мне стоит попросить, чтобы тебе за это арку добродетельной дочери воздвигли?

Слова эти прозвучали столь едко и забавно, что девицы и гэ'эр, стиравшие бельё неподалёку, не сдержались и прыснули со смеху. Даже почтенные тётушки прикрыли рты ладонями, пряча улыбки.

Цзинь'эр едва не расплакалась от обиды. Опять он за своё! Снова и снова юноша бередил её раны, напоминая о том, с чем она, казалось, уже смирилась.

«Ну и что с того, что пойду в наложницы? — думала она. — Какая разница, за кого выходить? Отец с матерью правы: в богатом доме я хоть нужды знать не буду, стану сладко есть да красиво одеваться. А как брат выучится и в люди выйдет, так и у меня опора появится. Что в этом плохого?»

Но стоило Цзяо Гэ'эру пустить в ход свой острый язык, как уверенность Лю Цзинь'эр давала трещину. Отчего всё так? Почему она должна стать разменной монетой, чтобы её дед, бабка, родители и брат жили припеваючи? Неужели никто из них по-настоящему её не ценит? Почему её никто не любит так, как этого наглеца любит его отец?

От этих горьких мыслей слёзы сами собой подступили к глазам, застилая взор.

Хоть Тяньцзяо и недолюбливал кузину, среди деревенских старших она слыла девицей примерной. Кто бы не пожелал себе такую дочь — милостивую, работающую да покладистую? И по дому поможет, и при замужестве выкуп за неё приличный дадут — братьям подспорье. А как в чужую семью войдёт, так и родителей не забудет: то вина доброго принесёт, то мяса, а приключится хворь — так и ухаживать прибежит.

Цзинь'эр была для сельчан живым воплощением идеальной дочери, образцом, который ставили в пример всем остальным.

Увидев, что Тяньцзяо снова задирает бедняжку, одна из соседок не выдержала. Старушка Ли, чей внук недавно справил свадьбу, сурово сдвинула брови:

— Цзяо Гэ'эр, поубавь спесь! Хоть Цзинь'эр и старше тебя всего на месяц, она всё же твоя сестра. Как у тебя язык поворачивается так её обижать?

Не успел он и рта раскрыть, как за него вступилась Сюй Цзяонян, дочь плотника.

— И кто же её обижает? — отрезала она. — Тяньцзяо всего лишь похвалил её за почтительность. Нечего тут напраслину возводить да ссоры сеять, матушка Ли.

В именах Цзяонян и Тяньцзяо был один и тот же слог «Цзяо», и хоть иероглифы писались по-разному, звучали они одинаково. Это случайное созвучие, а ещё прямой и честный нрав обоих сблизил их ещё в детстве — с тех пор они были не разлей вода.

Лицо старушки Ли потемнело от гнева.

— Цзяонян, ты ведь из приличной семьи, а всё с этим неслухом знаешься. Чему ты у него научишься? Только дурным манерам.

— А мне нравится с ним водиться, — ничуть не смутилась девушка. — Мои родители не против, а вам и подавно дела быть не должно.

Её отец, плотник Сюй, считался лучшим мастером в округе, и семья жила в достатке. Сама Цзяонян, оправдывая имя, росла красавицей — белокожей, нежной, окружённой любовью отца и братьев. Поклонники ходили за ней толпами, и нужды терпеть попреки от какой-то старухи у неё не было.

«Тьфу, — мысленно сплюнула Ли, поняв, что с этими двумя не сладить. — Ни стыда, ни совести. И как только родители их воспитывали? Не дай бог кому таких в дом взять — вовек не отмоешься».

Тяньцзяо украдкой показал подруге большой палец, восхищаясь её смелостью. Цзяонян лишь лукаво подмигнула в ответ: для неё заступиться за друга было делом чести.

Видя их весёлую переключку, Цзинь'эр с силой швырнула бельё в воду. Кое-как прополоскав вещи, она подхватила таз и, не проронив ни слова, побрела прочь.

«Почему ему всё сходит с рук? — кипела она от злости. — За что ему такая поддержка? Я —

образцовая дочь, меня все хвалят, а подруг нет, никто и слова доброго не скажет. Почему Тяньцзяо и Цзяонян словно родные, хотя настоящая его кровная сестра — это я?»

Она помнила, как в пять лет кузен ввязался в драку с мальчишками постарше, защищая её. Ему тогда все ноги в кровь отбили, а он всё равно улыбался и утешал её тоненьким голоском. От этих воспоминаний обида стала совсем невыносимой. Вернувшись домой, Цзинь'эр с грохотом бросила таз на землю.

Сяо Цянь-ши, рубившая в это время траву для свиней, вздрогнула от неожиданности и тут же разразилась бранью:

— Ошалела совсем?! Таз денег стоит, а ты его так швыряешь!

Заметив, что дочь не спешит, как обычно, покорно просить прощения, мать закричала ещё громче:

— Чего застыла? Всё выстирала? Твоему брату завтра со счетоводом в город ехать, по делам важным. Не дай бог на одежде хоть пятнышко найдут — засмеют ведь парня! Я с тебя тогда семь шкур спущу!

Чаша терпения девушки переполнилась. Несправедливые попреки всколыхнули в её душе такую бурю, что она закричала в ответ, срываясь на истерический визг:

— Да мать ты мне или нет?! Я вообще тебе родная?!

Сяо Цянь-ши оторопела. Она никогда не видела свою покорную дочь в таком исступлении. Опомнившись, она подскочила к ней, зажала рот ладонью и больно ущипнула за бок.

— Тише ты, полоумная! Чего разоралась? О славе своей не думаешь?

Для Сяо Цянь-ши доброе имя дочери было единственным залогом выгодной сделки. Если пойдут слухи о её нраве, кто же возьмёт её в приличный дом?

Видя испуг матери, Цзинь'эр, несмотря на боль, ощутила странное, почти пугающее удовлетворение. Она с силой оттолкнула её руку.

— Раз меня в могилу сводят, так к чему мне доброе имя?!

— Госпожа-предок ты моя, что же ты творишь?! — засуетилась Сяо Цянь-ши, понизив голос до заговорщицкого шепота. — Неужто нельзя всё миром обсудить?

«Госпожа-предок? — мелькнуло в голове у Цзинь'эр. — Надо же, вспомнила».

Обычно мать звала её не иначе как «дешёвой шкурой» или «убыточным товаром». Услышать своё имя было редкостью, а уж такое почтительное обращение... Этого достоин был лишь её драгоценный братец. Выходит, стоило один раз устроить скандал, и она внезапно обрела право на доброе слово?

Цзинь'эр вдруг стало смешно и одновременно горько. Тяньцзяо был прав: от кротости нет проку, тебя только сильнее топтать будут. Уважение заслуживают лишь те, у кого кулаки крепче. Кулаков у неё нет, но если родители хотят выгодно её пристроить, им придётся считаться с её настроением.

«Буду кричать, плакать, а не поможет — пойду к реке да утоплюсь! — решила она. — Если жизни спокойной нет, так и смерть не страшна».

Мать всегда твердила, как чудесно живётся наложницам в богатых домах. А вот кузен рассказывал совсем иное: мол, хозяева их тиранят, главные жёны со свету сживают, а порой и слуги смеют глумиться. А как помрёт такая бедняжка, подписавшая купчую на саму себя — так семье пару монет кинут, и те на радостях дом новый поставят да брату свадьбу справят.

Раньше она верила родителям, но сегодня рассудила иначе: Тяньцзяо с дядей часто бывают в богатых усадьбах, мясо возят. Стало быть, он жизнь-то получше матери знает.

С того дня Цзинь'эр словно подменили. Она по-прежнему работала по дому, но молча сносить обиды перестала. Стоило брату потянуться за лакомым куском, как она тут же перехватывала его, а на ругань матери отвечала бунтом.

Сяо Цянь-ши была в ярости и смятении. Решив, что в дочь вселился злой дух, она тайком привела знахарку, чтобы та изгнала скверну. Но перед чужим человеком девушка вела себя тише воды, ниже травы: на все вопросы лишь беззвучно плакала.

Даже знахарка, привыкшая наживаться на чужих суевериях, разжалобилась.

— Дочь хоть и не наследница рода, а всё же опора дому, — наставительно сказала она. — Глянь на плотника Сюя: разве не благодаря своей тётке он смог обучиться мастерству? Остынь, хозяйка, не неволь девку сверх меры.

Эти слова обожгли Сяо Цянь-ши. Как это — не неволить? Неужто она какая-то мучительница? В каждой семье девки работают и братьям уступают, отчего же её во всём виноватят?

Но как она ни билась, управы на дочь найти не могла. Позорить её на всю деревню было нельзя — «товар» тогда никто не купит. А поскольку работу по дому Цзинь'эр всё же справляла, Сяо Цянь-ши пришлось сцепить зубы и терпеть, надеясь на скорый выкуп.

Тяньцзяо о семейных баталиях кузины и не догадывался. Та при встречах по-прежнему смотрела на него волком, но он лишь пожимал плечами — мало ли у кого какой характер.

А вот старушка Ли, затаив обиду, всё никак не унималась, при каждом удобном случае стараясь уколоть его или Сюй Цзяонян. Юноше-то было всё равно, а вот спокойствие подруги его удивляло.

— Слушай, — спросил он как-то раз, — ты ведь терпеть не можешь сплетни. Почему ты позволяешь этой старухе языком чесать и не поставишь её на место?

Цзяонян лишь лукаво прищурилась.

— А зачем мне с ней спорить? Её драгоценный сынок вчера мне жареную утку из города притащил. Всю дорогу у сердца грел под рубахой, чтобы мне тёпленькой досталась.

<http://bllate.org/book/15343/1372743>